

ДАНО ЛИ НАМ ПРЕДУГАДАТЬ? (О будущем русского языка)

□□□□□□ □□□□□□

(Русистика. - Берлин., 1990, № 2. - С. 70-80)

1. ВСТУПЛЕНИЕ

В самом деле, перефразируя известные стихи Тютчева, дано ли нам, современникам, узнать, какой будет русский язык в грядущем столетии? В науке на этот счет существуют разные мнения. Одни ученые с уверенностью говорят о практически безграничных возможностях современной прогностики. Ведь еще выдающийся русский ученый К.А. Тимирязев как-то заметил: "Никто так не ошибался в своих предсказаниях, как пророки ограниченности человеческого знания". Другие, скептики и маловеры, пишут так: "Мысль о возможности предвидеть языковые изменения лишена оснований. Вообще будущее не является предметом познания". Кто же прав? Об инертности научного мышления ярко сказал в книге "Черты будущего" известный писатель и ученый Артур Кларк: "Шестерни воображения могут завязнуть в избыточном бремени знаний. Когда выдающийся, но уже пожилой ученый заявляет, что какая-то идея осуществима, он почти всегда прав. Когда он заявляет, что какая-либо идея неосуществима, он, вероятнее всего, ошибается" (Кларк, 1966, 37-38).

Наше время - время массовых социально-экономических прогнозов. Как и планирование, прогнозирование развития общества становится не данью преходящей моды, а осознанной и устойчивой потребностью. Прогнозируется сейчас практически всё: добыча и потребление угля, нефти, газа, врачи прогнозируют эпидемии гриппа, работники текстильной и обувной промышленности ломают голову над судьбами моды, утверждая, впрочем, что в поведении даже этой "капризной дамы" наблюдается довольно строгая повторяемость, цикличность. Важно при этом подчеркнуть высокую достоверность научно-технических предсказаний. В книге "Тайны предвидения" (М., 1977) отмечается, что прогнозы первой четверти нашего века сбылись на 75%.

2. НЕОБХОДИМОСТЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРОГНОЗОВ

На путь прогнозирования, научно обоснованного предвидения будущего вступает и наука о языке. И вызвано это отнюдь не праздным любопытством. Не случайно историк русского языка А.А. Потебня недвусмысленно утверждал: "Основной вопрос всякого знания: **откуда** и, поскольку можно судить по этому, **куда** мы идем" (Потебня, 1968, 5).

Не секрет, что сегодняшняя норма литературного языка существует нередко в двух, а иногда и более вариантах. Одни, например, говорят *твори'г, индустри'я, и'скрится*, другие - *тво'рог, инду'стрия, искри'тся*. Старшее поколение, как правило, произносит: *коне[ш]но, ску[ш]но*, у молодежи все чаще встречается сближение с орфографией: *коне[ч]но, ску[ч]но*. Да и не только у молодежи. Жесткая конкуренция продолжается в грамматике. Формы *докторы, профессора* ушли в прошлое, уступив новым *доктора, профессора*, но ведут борьбу за выживание *токари* и *токаря, инструкторы* и *инструктора, корректоры* и *корректора*. Какие из этих и подобных вариантов окажутся победителями? Языковед, который занят составлением словарей и грамматик, должен оценить такие факты объективно, и не только с позиции сегодняшнего дня, но и с учетом языкового "завтра". Ведь история жестоко мстит тем, кто основывается на языковом пуризме и пытается остановить естественный ход вещей.

Таким образом прогнозирование развития языка и установление перспективных, наиболее вероятных форм выражения в будущем - это не отвлеченная схоластика, не гимнастика ума, а нужное дело, подсказанное самой общественной жизнью.

3. ЯЗЫК И ПОСТУЛАТЫ ПРОГНОСТИКИ

Однако удовлетворяет ли наш прогнозируемый объект (литературный язык) тем постулатам прогностики, которые гарантируют наиболее надежные, оптимальные результаты? Думается, да. Судите сами.

3.1. Инерционность прогнозируемого объекта

Первым условием для получения надежных прогнозов служит инерционность исследуемого объекта, т.е. эволюционный характер его развития, отсутствие резких скачков, катаклизмов. Сейчас уже нет необходимости доказывать, что язык, как и все в нашем мире, не стоит на месте, а изменяется, развивается. Между тем человечество долгое время верило в неизменную, статичную природу языка.

Но нам важно подчеркнуть другое. Эволюция языка протекает медленно, его развитие, обновление складывается из мельчайших, незаметных сдвигов, накоплений и потерь, не нарушающих преемственность языковых навыков. Не случайно развитие языка иногда образно сравнивают со зрительно не воспринимаемым движением часовой стрелки. Более заметные изменения происходят в лексике, быстро реагирующей на события в общественной жизни. Глубинные же уровни языка - фонетика, морфология, синтаксис - развиваются по своим внутренним законам и мало зависят от социально-экономических факторов. Не случайно поэтому выдающийся лингвист и литературовед Роман Jakobson как-то заметил: "Известные языки мира - как древние, так и современные - своей фонологической и грамматической структурой никак не отражают степень культурного развития общества". (Jakobson, 1985, 379). Итак, язык представляет собой достаточно инерционную систему и поэтому удовлетворяет первому постулату прогностики.

3.2. Долговременные тенденции и экстраполяция

Второе условие прогностики, обеспечивающее относительно надежные результаты, заключается в наличии у объекта прогнозирования долговременных и однонаправленных тенденция развития. Дело в том, что при экстраполяции, т.е. при перенесении в будущее устойчивых черт прошлого и настоящего, нельзя забывать о зависимости между базовым периодом и дальностью прогноза. Базовым периодом называют срок действия однонаправленной тенденции. Считают, что надежный прогноз может быть получен только в том случае, если его дальность не превышает одной трети базового периода. А есть ли в языке долговременные и однонаправленные тенденции развития? Конечно. Возьмем, например, оттяжку ударения у существительных мужского рода ближе к началу слова. Это однонаправленный процесс (в науке он называется рецессией ударения) продолжается как минимум два столетия. В прошлом говорили: *возду'х, возгла'с, призра'к, клима'т, профи'ль, конку'рс, скульпто'р, фундаме'нт* и т.п. Еще в начале XX века конкурировали *тока'рь* и *то'карь, на'сморк* и *насмо'рк, загово'р* и *за'говор*. Во времена Пушкина произносили только *загово'р*. Сравните: "Опальному изгнаннику легко обдумывать мятеж и загово'р" (Борис Годунов). Теперь все скажут *за'говор*, ударение сместилось к началу слова. А что будет с ударением *до'говор*, которое еще недавно словари усердно браковали, а теперь признали допустимым, хотя и несколько сниженным вариантом? Ведь так говорят не только среди интеллигенции, новое ударение *до'говор* встречается даже у известных поэтов. Например:

Но ты не пугайся.

Я до'говор наш не нарушу.

Не будет ни слез, ни вопросов,

Ни даже упрёка.

(О. Бергольц. Ничто не вернется...)

Исходя из наличия долговременной и однонаправленной тенденции в перемещении ударения у слов мужского рода, можно ожидать, что в будущем установится именно такое произношение: *до'говор, тво'рог, пла'нер* и т.п. Хорошо это или плохо? Автору этих строк новое ударение режет слух. Но что стоят вкусовые оценки перед объективными закономерностями развития языка! Ведь многое, что казалось разрушительным для языка и вызывало гневное осуждение, впоследствии оказывалось необходимым и даже благодетельным.

3.3. Знание причины и вероятность прогнозов

Повышение вероятности прогнозов в значительной мере зависит от знания причинно-следственной связи происходящих явлений. Известно, что одна и та же причина при одних и тех же условиях приводит к одинаковым или, во всяком случае, сходным результатам. В

современном языкознании установлены многие причины, порождающие изменение языка: действие внутренней и внешней аналогии, преодоление избыточности информации, стремление к системности и многие другие. Ограничимся одним примером. Долгое время формы женского рода у кратких прилагательных и страдательных причастий пользовались особой привилегией: в отличие от других форм ударение у них падало на окончание. Еще недавно словари рекомендовали: *жесто'к, жесто'ко, жесто'ки*, но *жестока'*; *скло'нен, скло'нно, скло'нны*, но *склонна'*. Под действием аналогии происходит выравнивание ударения, формы женского рода постепенно теряют свою особенность: стали говорить не *жестока'*, а *жесто'ка*, не *склонна'*, а *скло'нна*. И заметь, потеря избыточного различительного признака оказалась в целом полезной для самих говорящих (особенно для изучающих русский язык) - ведь теперь не надо напрягать память. Система ударения становится более стройной, организованной. Поэтому в будущем можно ожидать распространения этого процесса на другие слова: станут говорить не *взята'*, а *взя'та*, не *продана'*, а *про'дана* и т.п.

3.4. Статистика и лингвистическое прогнозирование

Естественно, что научное прогнозирование немыслимо без привлечения обширных, математически обработанных материалов. Новые автоматизированные способы сбора и обработки информации открывают широкие перспективы перед статистикой, данные которой служат важной опорой языкового прогнозирования. Наука о языке накопила уже немалое количество статистических сведений, причем с учетом возрастных и профессиональных отличий информантов. Так долгое время велись ожесточенные споры относительно правильности форм родительного падежа множественного числа: *грамм, апельсин, помидор*, вместо традиционных *граммов, апельсинов, помидоров*. Социологическое обследование показало, что подавляющее большинство, независимо от возраста и профессии, употребляют сейчас именно бракуемые грамматиками формы без окончания *-ов*. При обработке магнитофонных записей выяснилось: из 400 информантов все 400 употребили форму *грамм*, а не *граммов*, 394 человека сказали *килограмм помидор* и только четверо - *помидоров*. Глубоко прав был знаток русского языка Корней Чуковский, когда писал: "Теперь мне даже странно вспомнить, как сердило меня на первых порах нынешнее словосочетание: *сто грамм*. "Не сто грамм, а сто граммов!" - с негодованием выкрикивал я. Но малу-помалу привык, обтерпелся, и теперь эта новая форма кажется мне совершенно нормальной" (Чуковский, 1962, 17). Жизнь взяла верх над грамматической догмой. Академическое издание "Русской грамматики" (М., 1980) признало нормативными обе формы: *граммов* и *грамм*. Количественные сведения получены сейчас о многих фактах литературного языка. Вышли в свет частотные словари, в ряде вузов страны составляются словари языка отдельных писателей, с помощью ЭВМ создаются исчерпывающие списки слов к их произведениям. Известно, например, что Пушкин употребил в сочинениях и письмах 21 290 разных слов. Имеются данные и о количестве слов у других писателей: Гомер - около 9000 слов, Шекспир - около 15 000 слов (по другим источникам около 20 000 слов), Сервантес - около 17 000 слов, Гоголь (только "Мертвые души") - около 10 000, Шевченко - около 10 000 слов, Есенин - 18 890 слов. Но больше всего разных слов содержится в произведениях В.И. Ленина - свыше 37 500 (см. Словарь языка В.И. Ленина. Алфавитно-частотный словоуказатель к Полному собранию сочинений. Т. I-II. М., 1987). Таким образом, мы можем признать, что сам прогнозируемый объект (язык) и состояние науки о нем в целом удовлетворяют основным постулатам прогностики. Конечно, было бы опрометчивым думать, что языковые прогнозы (впрочем, как и любые прогнозы) гарантированы от ошибок. Статистика еще не охватила все стороны языка, не все причины и пружины языковых изменений раскрыты с достаточной достоверностью. В начале XX века известный русский языковед В.И. Чернышев признавался: "Нелегко определить... что является современным в языке, что стоит в нем прочно, что является случайным наносом, что отжило свой век" (Чернышев, 1970, 449). И хотя наука с тех пор ушла далеко вперед, эти слова в значительной степени применимы и к нашему времени. В преобразовании языка нередко участвует множество взаимодействующих и скрытых от непосредственного наблюдения факторов. "Природа, - как писал Леонардо да Винчи, - полна бесчисленных причин".

Но если мы не в силах подчас сделать прогноз относительно какого-либо отдельного слова, поведение которого может зависеть от множества непредсказуемых обстоятельств, то в гораздо большей вероятностью можно говорить о некоторых общих чертах языка в будущем. Исследование и последующая экстраполяция устойчивых тенденций в развитии языка служит,

пожалуй, самым надежным компасом лингвистических прогнозов, именно это позволяет навести мосты между настоящим и будущим.

4. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ РУССКОГО ЯЗЫКА В БУДУЩЕМ

Что же ожидает наш язык в ближайшие десятилетия грядущего века? Ставя перед собой такую ограниченную задачу, мы вправе надеяться на более вероятные предположения, к тому же языкознание еще не накопило достаточных данных для долгосрочного прогноза языковых изменений. Д. Томсон в книге "Предвидимое будущее" заметил, что, оставаясь на почве реального, вообще можно делать предположения не дальше чем на 100 лет вперед.

4.1. Сближение общелитературного языка с языком науки

Оглядываясь назад и учитывая неоднократно возросший ныне авторитет науки, углубление научного мировоззрения, мы закономерно можем ожидать в будущем дальнейшего и еще более тесного сближения общелитературного языка с языком науки. Еще в начале XX века В.И. Ленин считал необходимым разъяснять в тексте своих работ смысл таких слов: *эволюция, концепция, тенденция*, а в Словаре Ушакова слова *перспектива, принцип, проблема* снабжались пометой "книжное", то теперь такие слова известны всем и употребляются без стилистических ограничений. Слова науки стали проникать в литературный язык еще в XVIII веке. Сейчас они хлынули в нашу речь мощным, неиссякаемым потоком: *акселерация, антибиотики, биотопки, геронтология, гидропоника, голограмма, датчик, запрограммировать, канцерогенный, компьютер* и тысячи других, еще недавно неведомых нам. подсчитано, что около 50% неологизмов приходится на терминологическую лексику. Но суть дела даже не в количестве. На наших глазах происходит их качественное преобразование - метафорическое переосмысление. Мало кого смутят сейчас такие выражения: *душевная травма, моральный вакуум, вирус стяжательства, синдром неуверенности, инфляция совести* и т.п. Еще пять-шесть лет назад мало кто слышал о книжном слове "аура" (по-гречески буквально: дуновение, воздушный ореол; в терминологическом смысле его использовали физики и медики). Сейчас это словечко прокралось в прессу и художественную литературу. Например: "С Капицей вынуждены были считаться, его поведение создавало ауру неподчинения, а неподчинение - то, что смущает чиновные души" (Д. Гранин. Зубр).

Наш язык (как, впрочем, и другие развитые языки) твердо и бесповоротно стал на путь сближения с языком науки, и эта тенденция, по всей видимости, усилится в будущем. При этом вовсе не следует думать, что русский язык потеряет свою выразительность, превратится в сухой, наукообразный стандарт. Уже для современной речи стало характерным стремление компенсировать сухость научного языка употреблением слов в новых, необычных значениях, применением разнообразных экспрессивных средств. Как справедливо заметил советский языковед В.Г. Костомаров, терпимость к новообразованиям, несклонность традицией, повышенная эмоциональность возмещают строгость научного изложения.

4.2. Русские слова и их иноязычные конкуренты

Высказываются опасения и другого рода. Некоторые панически настроенные ревнители языковой чистоты пишут о непомерном засорении русского языка иностранными словами, полагают, что если дело пойдет так дальше, то наш язык потеряет свое лицо. Оправданы ли такие суждения? Известно, что обмен словами между народами - естественный и неизбежный процесс. Всякая замкнутая национальная культура проигрывает в своем развитии. В петровское время, в переломную эпоху нашей истории, в русский язык влились тысячи западноевропейских слов. Сейчас главным "поставщиком" заимствований в разные языки мира стал английский язык. Но и он отнюдь не отличается стерильностью, более 60% его лексического состава приходится на слова, заимствованные из романских языков. Много ли иноязычных слов проникает в современный русский язык? Оказывается, сравнительно немного. Подсчитано, что среди зафиксированных неологизмов доля прямых заимствований не превышает 7-8%. В основном же обновление лексики русского языка происходит за счет словосложения: *авиамагистраль, античастица, атомоход, биотопливо, велоспорт, нефтегазохранилище, ракета-носитель, диван-кровать* и т.п. И заметьте, в этом процессе важную роль играют греко-латинские корни (*анти..., био..., теле...* и т.п.), составляющие общий фонд европейских языков. Это очень

рационально. В век оживленных международных контактов "прозрачность" интернациональной лексики облегчает перевод, взаимопонимание между представителями разных народов. Уже сейчас по подсчетам исследователей около 40% полнзначных слов в европейских языках при переводах общественно-политических текстов постоянно соответствуют друг другу. Вот несколько примеров из современных газет, в которых текст состоит почти сплошь из слов интернационального характера: "новый раунд массированной кампании" (Известия, 28.9.1984), "моральная капитуляция" (Правда, 20.8.1987), "конструктивный диалог двух систем" (Известия, 6.7.1988). А вот какие новые иноязычные "пришельцы" замелькали в наших газетах в 1989 году: *менеджер, спонсор, маркетинг, консорциум, консенсус* и др.

Невольно возникает грустный вопрос: что же будет с исконно русскими словами, они что ли отомрут?.. Нет, конечно. Даже если в результате конкуренции побеждает интернациональное слово, исконно русское приобретает особое стилистическое звучание. Так, например, произошло при соперничестве "архитектора" с "зодчим" (торжественно-возвышенное "зодчий" восходит к утраченному языком слову *зод* - глина, стена из глины, отсюда, кстати, здание, создатель, созидание и т.п.). Но нельзя же всерьез принимать и тех фанатиков, которые упрямо призывают очистить русский язык от заимствований, даже прочно вошедших в нашу речь. Ведь находятся не в меру горячие приверженцы старины, требующие заменить латинское слово "конституция" старым термином - "Русская правда" (так назывался свод законов в Древней Руси)... Язык не подчиняется ни высокомерному поучительству, ни произвольному администрированию. Еще В.Г. Белинский хорошо сказал: "Слово мокроступы очень хорошо могло бы выразить понятие, выражаемое совершенно бессмысленным для нас словом галоши; но ведь не насильно же заставить целый народ вместо галоши говорить мокроступы, если он этого не хочет".

4.3. Увеличится ли в будущем словарный запас языка?

Часто говорят об ожидаемом значительном росте словарного запаса русского языка в будущем. Действительно, увеличение количества слов заметно даже при сопоставлении академических словарей: в "Словаре Академии Российской" (1789-1794) содержится несколько более 42 000 слов, в "Словаре церковнославянского и русского языка", изданного Академией наук в 1847 году, представлено уже около 115 000 слов, а в семнадцатитомном "Словаре современного русского литературного языка" (1948-1965) - 120 480 слов. Впрочем, данные словарей весьма далеки от реального количества слов в языке. И не только потому, что в словари не включаются диалектизмы и специальные термины, количество которых измеряется семизначной цифрой. В словари, как правило, не входят слова, образованные по регулярной модели и не нуждающиеся в толковании. Например, практически к каждому существительному с конкретным значением можно прибавить приставку *пол-* (*полдороги, полдома, полкниги, полстакана* и т.д.), к прилагательным приставку *сверх-* (*сверхмощный, сверхлюбопытный, сверхмнительный* и т.д.).

Хотя, как мы выяснили, словари и не совсем точно отражают количество слов, других данных наука о языке не имеет. Так вот в изданных у нас словарях новых слов (1971 г., 1984 г.) и пяти выпусках словарных материалов "Новое в русской лексике" содержится примерно 20 000 неологизмов. Получается, что за каждый год наш язык приобретает более тысячи новых слов. Зная это, можно как будто подсчитать, сколько слов будет в русском языке в 2050 году. Однако такие подсчеты были бы обманчивы. Дело в том, что наряду с приобретениями неизбежны и потери, переход слов в пассивный запас и даже полное отмирание. Например, в прошлом были довольно продуктивны слова на *-чий* (*ловчий, стряпчий, зодчий, певчий* и т.п.) и на *-арь* (*бондарь, гвоздарь, пушкарь* и т.п.). Слова этого типа постепенно устаревают. На наших глазах уходят в пассивный запас десятки слов с суффиксом *-ня*: *гончарня, дегтярня, лесопильня, мукомольня, слесарня, хлебопекарня* и др. Теперь скорее скажут не *лесопильня*, а *лесопильный завод*, а непринужденной речи - *лесопилка*, не *маслобойня* - а *маслозавод*. Выход этих слов из активного запаса обусловлен, видимо, социальными причинами: они, как правило, обозначали немеханизированные предприятия кустарного типа. По аналогии с такой лексикой покидают современную речь и другие слова: *кофейня, купальня, курильня, читальня* и т.п. Не все сейчас помнят, чему равны в современной системе единиц измерения *фунт* (400 г), *пуд* (16 кг), *аршин* (71 см), *вершок* (4,4 см), *сажень* (2,13 м). Как ни сетуют писатели, а новый тип семейных и социальных связей вытесняет из нашей памяти даже наименование степени родства. Горожане нередко уже путают *деверя* с *шуриным*, а *золовку* со *свояченицей*. Эти потери слов неизбежны, а если посмотреть шире - даже полезны. Конкретный опыт людей беспределен, пределы же

человеческой памяти все-таки ограничены.

Поэтому вряд ли можно ожидать бесконечного прироста словарного состава языка. Надо сказать, что вообще как в социальной жизни, так и в природе мы нередко встречаемся с потерей скорости прироста. Так в книге "Тайны предвидения" приводятся данные о росте занятости женщин в % от общего числа трудящихся в СССР: 1925 г. - 25%, 1940 г. - 39%, 1972 г. - 51%. Однако в дальнейшем прирост естественным образом приостановился. Известно также, что живые организмы, оказавшись в благоприятных условиях, сначала размножаются очень быстро. Но так не может происходить вечно. Популяция замедляется, т.к. в дело вмешивается сама природа: истощение ресурсов питания, появление конкурентов и т.д. Поэтому в прогностической литературе нередко пишут о переходе от развития по экспоненте (т.е. со значительной скоростью прироста) к развитию по линейной модели (т.е. без резкого увеличения или уменьшения) (Шляпентох, 1975, 213-221). Возможно, так случится и с развитием лексического состава: приток неологизмов будет уравниваться выходом многих слов из активного запаса языка.

4.4. Сохранится ли синтетический тип русского языка

Немало ожесточенных споров ведется сейчас о том, каков будет грамматический строй русского языка в XXI веке. Известно, что современный русский язык принадлежит к языкам синтетического типа. Так вот некоторые языковеды утверждают, что русский язык развивается по типу английского, т.е. переходит от синтетического строя к аналитическому. При этом нередко ссылаются на слова В.И. Ленина: "Русский язык прогрессирует в сторону английского" (т. 44, с. 503). Однако это высказывание было сделано относительно развития аббревиатур (ВЦИК, РВС, ГОЭЛРО, губком, совнарком и т.п.), и вряд ли В.И. Ленин имел в виду глубинные преобразования в самом грамматическом строе русского языка. Стремясь доказать развитие аналитизма в русском языке, сторонники этой теории выдвигают такие аргументы:

- а) даже давно заимствованные слова не подчинились русской грамматике и остались несклоняемыми (*пальто, депо, кофе* и т.п.),
- б) не склоняются современные аббревиатуры (*ГЭС, депо, сельпо* и т.п.),
- в) наблюдается потеря склонения у некоторых географических названий, например, говорят: *живу в Переделкино, телестудия в Останкино, выехал из Репино* вместо *в Переделкине, в Останкине, из Репина*,
- г) в русском языке уменьшается количество слов среднего рода: так в прошлом их было 9,3% от общего количества слов, а среди неологизмов только около 4%.

А раз так, считают "аналитики", значит русский язык движется в двуродовую систему, ведь в таких аналитических языках, например, во французском, обычно отсутствует именно средний род.

Думается, однако, что эти аргументы малоубедительны. Дело в том, что несклоняемых иноязычных слов сравнительно немного, около 5%, и они, конечно, не могут послужить причиной коренного преобразования русского языка. Не совсем точны и утверждения о несклоняемости аббревиатур. Склоняются не только старые сложносокращенные слова (*в период нэпа, спектакль МХАТа*), но и относительно новые: *трасса БАМа, сотрудники МИДа* и т.п. Сильно преувеличивается и распространенность несклоняемых географических названий. Под подсчетам исследователей, их удельный вес составляет около 19%, а шансы роста таких общественно неодобряемых речевых явлений маловероятны. Что же касается убывания слов среднего рода, то здесь мы имеем дело с обычной стилистической иллюзией. Известно, что среди неологизмов весьма мало глаголов, а поэтому мало и отглагольных имен на *-ание, -ение* (типа: *рисовать - рисование, лечить - лечение*), которые составляют значительную часть старых слов среднего рода. Данные словарей новых слов, естественно, никак не могут служить свидетельством потери русским языком категории среднего рода.

Было бы неверным, однако, отрицать развитие аналитизма в отдельных звеньях грамматического строя современного русского языка. Это в особенности касается составных числительных. Редкий оратор рискнет сейчас произнести пятизначное число в каком-либо падеже, кроме именительного. О тенденции к упрощению склонения составных числительных в устной речи теперь открыто пишут в грамматиках. Но дело здесь, конечно, вовсе не в том, что русский язык развивается в сторону английского. Просто побуквенное написание составных числительных в наше время встречается крайне редко, если не считать школы и надписей на денежных документах, причем в последнем случае обычно в именительном падеже.

Есть и другие проявления аналитизма в обычной речи, но они, как правило, касаются

периферийных сторон русской грамматики. Поэтому говорить о преобразовании самого типа нашего языка в ближайшие десятилетия совершенно необоснованно.

4.5. Повышение внутренней организованности языка

Каких же реальных изменений в языке мы вправе ожидать?

Думается, наиболее характерным для языка будущего станет повышение его внутренней организованности, как теперь говорят, системности. Постепенно отомрут непродуктивные формы в грамматике, избыточные варианты произношения, значительно уменьшится количество тех исключений из общих правил, которые не связаны с каким-либо особым смыслом или стилистической функцией. Развитие языка уже давно идет по пути унификации однотипных явлений. В этом проявляется одно из рациональных свойств человеческого мышления - стремление освободиться от необходимости запоминать ненужное, излишнее. Ведь не случайно на вопрос, в чем первопричина языковых изменений, безвременно погибший известный советский языковед Е.Д. Поливанов дал такой лаконичный и парадоксальный ответ: "Лень человеческая, или - что то же - стремление к экономии трудовой энергии" (Поливанов, 1931, 43).

Вероятно, перспектива унификации произношения и грамматических форм вызовет у многих эстетическое неприятие такого унылого речевого стандарта. Но не следует видеть будущее языка в таком мрачном свете. Уже сейчас в лексике и фразеологии идет процесс обновления и в известном смысле обогащения выразительных особенностей русской стилистики. Стандартизация одних сторон языка компенсируется углублением своеобразия и нескованности словоупотребления.

Кроме того, само понятие языкового вкуса, как это уже отмечалось, - явление весьма нестойкое, исторически преходящее. Кого сейчас не удивит произношение: *галстушный, фабришный, яблошный*, но так говорили и даже писали в XVIII веке. Еще Н.А. Некрасов писал *табашный дым*, рифмовал слова *наконешник* и *грешник*, а Словарь Ушакова (надо заметить, что профессор Д.Н. Ушаков был рьяным сторонником старомосковской орфоэпической нормы) рекомендовал произносить: *беспроволо[шн]ый, взято[шн]ик* и т.п. Все это ушло в прошлое, победило сближенное с орфографией произношение через *чн*. То же, разумеется, произойдет и с оставшимися пятью-шестью исключениями: *ску[шн]о, коне[шн]о, наро[шн]о, праче[шн]ая, пустя[шн]ый, яи[шн]ица*. Вроде бы как-то жаль уходящей орфоэпической нормы, сам автор этих строк придерживается традиционного произношения. Но тут уж ничего не поделаешь: всемогущий графический облик слова безжалостно ломает произносительные каноны. Как не вспомнить здесь бессмертные слова И.И. Срезневского: "Считай прошедшим то, что удерживается силой, искусственно; считай будущим то, что все более пробивается в жизнь языка, хоть иногда частями, по мелочам". (Срезневский, 1887, 15).

Нечто подобное происходит и в морфологии. Как бы ни хотелось сохранить приятные на слух формы глаголов *машет, брызжет, плещет* и т.п., они, увы, обречены и в будущем заменяться менее приятными для современного восприятия, но зато более рациональными формами *махаёт, брызгает, плескает* и т.п. Многие скажут: это порча языка. Ничуть. Это развитие по продуктивной модели. Ведь в прошлом говорили и писали: *ичет, глочет, черплет*, а не так, как теперь: *икает, глотаёт, черпает*. Здесь сказалось непреодолимое воздействие продуктивных глаголов типа: *играет, ласкает*. Постепенно влияние аналогии распространится и на другие исключения. Вам не нравится форма *плескает*? Но уже Пушкин писал: "Плеская шумною волной / В края своей ограды стройной, / Нева металась как больной / В своей постели беспокойной". Все шире входит в употребление форма *махаёт*. Недавно, садясь в поезд "Красная стрела", я слышал, как интеллигентного вида дама говорила мальчику: "Помахай дяде ручкой". Примечательно, что даже строгие нормативные словари нет-нет да и признают новые формы речи. Так в составленном сотрудниками Института русского языка СССР "Орфоэпическом словаре русского языка" (М., 1983) рекомендуется: *машет* и допустимо *махаёт*. Пройдет, скажем, сто лет, и формы *машет* и *плещет* будут казаться нашим потомкам столь же странными и неуклюжими, как нам ушедшие в небытие - *ичет* и *глочет*. Здесь, правда, необходима существенная оговорка. Если непродуктивный вариант имеет какие-либо смысловые или стилистические особенности, то он может сохраняться неопределенно долгое время. Так, например, мы говорим: *он двигает шкаф*, но *им движет самолюбие*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Надо полагать, что в будущем неизмеримо возрастет сознательное управление языком. Если уже сейчас пишут об экологии языка, то недалеко время, когда специальные комитеты дизайнеров-языковедов будут заниматься изобретением и внедрением новых слов и наименований, причем не только рациональных и экономичных, но и удовлетворяющих вкусам новых поколений.

Грядущий век - век умных машин. Место громоздких картотек и многотомных словарей займут портативные электронные компьютеры, способные хранить и мгновенно выдавать любую лингвистическую информацию. И хотя тесная связь человека и думающей машины в какой-то мере и усилит рационализацию нашей речи, сам русский язык сохранит свою природную самобытность и не будет уступать современному языку ни по своему лексическому запасу, ни по стилистическим возможностям для яркого и образного выражения мысли.

Литература

БЕЛЯЕВСКИЙ А., ЛИСИЧКИН В. Тайны предвидения. Прогностика и будущее. М., 1977.

КЛАРК А. Черты будущего. М., 1966.

ПОЛИВАНОВ Е.Д. Где лежат причины языковой эволюции. - В сб.: За марксистское языкознание. М., 1931.

ПОТЕБНЯ А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. М., 1968.

СРЕЗНЕВСКИЙ И.И. Мысли об истории русского языка. СПб., 1887.

ЧЕРНЫШЕВ В.И. Культура речи. - В кн.: Избранные труды. Т. 1. М., 1970.

ЧУКОВСКИЙ К.И. Живой как жизнь. М., 1962.

ШЛЯПЕНТОХ В. Как сегодня изучают завтра (современные методы социального прогнозирования). М., 1975.

ЯКОБСОН Р. Лингвистика в ее отношении к другим наукам. В кн.: Избранные работы. М., 1985.

На правах рекламы

Красивые [шкафы-купе на заказ](#) в
гостинную. | Бухгалтерский аутсорсинг!
Эффективные [бухгалтерские услуги](#)
цены.